

Авторитетъ въ вопросахъ вѣры ¹⁾.

Насталъ великій часъ испытанія. За что сражается Россія? Отвѣчать на этотъ вопросъ возможно, только сознавая призваніе русскаго народа на землѣ. Мы должны знать, что не только за наши политическіе интересы льется человѣческая кровь, потому что наши политическіе интересы и наша государственная мощь, какими бы они ни были интересными для насъ и близкими намъ, сами по себѣ, какъ самодовлѣющія цѣли, не могли бы рассчитывать на благословеніе свыше, если-бы они не сопрягались съ интересами высшаго порядка. Господь никого изъ дѣтей своихъ не лишаетъ наследства въ пользу другого, и горе намъ, если мы не во славу Божию поступать будемъ и если мы забудемъ, что Онъ

¹⁾ Рефератъ, читанный въ Петроградѣ на общемъ Собраніи Всероссийскаго Братства святителя Іоасафа Бѣлгородскаго чудотворца, 10-го декабря 1914 года.—Авторъ настоящей статьи, Юрій Александровичъ Колеминъ, бывшій секретарь нашего посольства въ Мадридѣ, нынѣ состоитъ секретаремъ канцеляріи Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Въ бытность свою въ Мадридѣ онъ содѣйствовалъ обращенію въ Православіе изъ католическаго раскола начальника отдѣленія генеральнаго штаба въ Испанской королевской арміи, Викентія Гарсіа Рюя-Переса. Сообщая объ этомъ обращеніи, Синодальныя „Церковныя Вѣдомости“ (отъ 25 іюня 1911 г., № 26) передвѣтъ между прочимъ слѣдующія интересныя подробности о совмѣстныхъ богословскихъ занятіяхъ Ю. А. Колемина и Викентія Гарсіа Рюя-Переса: „Видѣвъ они проштудировали литургіи Св. Василія Великаго и Іоанна Златоуста, догматику митрополита Макарія, катехизисъ митрополита Филарета, сочиненія о. Владиміра Гетте, сочиненія Хомякова, спеціально для Викентія переведенныя на Испанскій языкъ г. Колеминымъ, православный молитвословъ и многое другое.“— По возвращеніи въ Россію г. Колеминъ выпустилъ крупное (свыше 300 страницъ) сочиненіе подъ заглавіемъ: „Римскій Духовный Цезаризмъ передъ лицомъ Соборной Православной Церкви“ (С. П. В. 1913 г.).—Ред.

избрали насъ для всѣхъ, а не мы Его избрали для себя. Подвигъ православной Россіи долженъ совершиться именемъ Господнимъ на счастье всего человѣчества, на благо и на духовное возрожденіе и насъ самихъ, и нынѣшнихъ нашихъ враговъ. Горе намъ, если низвергаемый духъ себялюбія, гордости и властолюбія, случайно только прикрывающій себя каскою германскаго образца, для того только долженъ былъ бы лишиться крова своего за рубежомъ, чтобы переселиться къ намъ! Да не будетъ!

Неисповѣдимы судьбы Провидѣнія!

Великія страданія ниспосылаются намъ за наши грѣхи. Если-бы не наша грѣховность, то навѣрно мы иначе сумѣли бы справиться съ возложенною на насъ задачею водворенія Царствія Божія на землѣ. Если-бы не наша грѣховность, если-бы наша нравственная чистота была примѣрною для остальнаго человѣчества, то не потребовалось бы никакой войны и никакихъ кровавыхъ побѣдъ, чтобы остальное человѣчество могло считать насъ, наконецъ, достойными своего вниманія, и чтобы оно уже не считало для себя унижительнымъ усвоить себѣ отъ насъ хранящійся въ Православіи залогъ истиннаго христіанства. Поэтому горе намъ, если мы не поймемъ, что блескъ могущества и побѣды является незаслуженнымъ даромъ ради вышихъ цѣлей человѣчества, ради Божіей славы, а не ради насъ. Такъ и не иначе да примемъ побѣду: не намъ, не намъ, Господи, а имени Твоему!

Итакъ, призваніе православной Россіи указывается ей апостольскою Церковью; но не потому, чтобы мы сами этого заслужили. Великое призваніе новаго Израиля дается намъ даромъ, только по милости Божіей, и поэтому мы сугубо отвѣтственны передъ Богомъ за нарушенія нравственности и правды. А прежде всего и кромѣ того—мы еще особо отвѣтственны за вѣренный намъ залогъ будущаго счастья всего человѣчества. Святая Церковь Христова еще живетъ на Руси, заступничествомъ многихъ святыхъ, праведниковъ Божіихъ, молящихся передъ престоломъ Всевышняго за насъ грѣшныхъ. Она живетъ, но она проходила черезъ трудныя и опасныя времена. Времена индифферентизма, раціоналистической лжефилософіи и всякаго хлама, въ безсмысленномъ подражаніи принятаго нами отъ Запада, безъ разбора и на-

равнѣ съ другими его культурными образцами, дѣйствительно высокими и добрыми, но относящимися къ совсѣмъ другимъ сферамъ духовнаго творчества.

Въ настоящее время, по милости Божіей, мы видимъ признаки великаго пробужденія. Это—признаки новой жизни, новыхъ потребностей. Необходимо стараться, чтобы эти потребности получали удовлетвореніе изъ источника чистаго, и при этомъ особаго вниманія заслуживаютъ слабѣйшіе въ вѣрѣ. Я говорю о такъ называемыхъ интеллигентахъ. Потому что они, только они, являются теперь нашими духовно выздоравливающими. На религіозные запросы средняго нашего образованнаго человѣка, носящаго на себѣ, какъ вамъ извѣстно, отпечатокъ скопированнаго съ чужихъ образцовъ образованія, на такіе запросы нельзя отвѣчать, какъ то обыкновенно дѣлается, указаніемъ на необходимость чистой ирраціональной вѣры. Необходимо, абсолютно необходимо, чтобы мы умѣли давать ему также раціональный отчетъ во всемъ, что касается православной Церкви.

Смотрите, какъ подбирается искуситель, чтобы посредствомъ хитроумныхъ поддѣлокъ вводить его въ заблужденіе и отвлекать отъ прямого пути! Смотрите, какъ ловко онъ посредствомъ внутренней лести внушаетъ ему, что онъ уже слишкомъ цивилизованъ для того, чтобы удовлетворяться безразсуднымъ православіемъ простонародья! Много ли мы дѣлаемъ для таковыхъ, скажите откровенно, мы, православные, съ грѣхомъ пополамъ или вовсе не умѣющіе раціональными доводами говорить о нашей Церкви? Какъ смѣемъ мы думать, что сумѣемъ справиться съ предстоящими міровыми задачами христіанства, если не научимся говорить объ этомъ логично! Знаете ли вы, наприимѣръ, какое мучительное посрамленіе ожидаетъ громадное большинство изъ насъ, православныхъ, не исключая образованныхъ и свѣдущихъ въ вопросахъ церковныхъ, когда наталкиваешься на представителей западной инославной дисциплины, вѣками выработавшей изъ своего міросозерцанія страшное для маловѣрныхъ наступательное оружіе? Не даромъ она себя называетъ „религію господъ“. И сколько именно изъ нашихъ „господъ“, преклоняющихся передъ чужими традиціями, „господъ“ по интеллектуальному и соціальному положенію, „господъ“—по привычкамъ и по условіямъ жизни, приводящей ихъ въ

частое соприкосновеніе съ лучшими представителями ино-славныхъ дисциплинъ, сколько именно „господь“ не умѣютъ переносить подобнаго посрамленія и подобнаго обличенія въ невѣжествѣ.... сколько изъ нихъ отпали, измѣнили духовному сокровищу Россіи!.

Да, отступничество многихъ нашихъ интеллигентовъ отъ родного Православія въ сторону Рима—является прискорбнымъ фактомъ.

Да, намъ необходимо выработать большую раціональную точность, когда мы отстаиваемъ нашу Церковь. А на этотъ счетъ, мы, къ сожалѣнію, совсѣмъ слабы. Наша восточная туманность отталкиваетъ отъ насъ немалое число интеллигентовъ, которыхъ мы сохранили бы для Церкви, если-бы мы, вмѣсто того, чтобы упиваться только мистическими ощущеніями спасенія самихъ себя, выработали въ себѣ немножко больше раціональной точности въ примѣненіи къ собственной вѣрѣ. А у насъ, повторяемъ, дѣло въ этомъ отношеніи совсѣмъ не обстоитъ благополучно. Мы, восточные христіане, а въ частности русскіе, этой раціональной точности даже боимся. Мы предпочитаемъ туманную поэзію...

Была бы у насъ не только поэзія, были бы не только переживанія бессознательныхъ чувствъ, но и немножко больше раціональной послѣдовательности и ясности,—не погибали бы многіе, которымъ не въ моготу эта наша туманность! И мы обязаны, повторяемъ, показать имъ не только вѣру нашу, но и разумное превосходство православной церковности. Конечно, Церковь построена на вѣрѣ. Но на глубокой вѣрѣ зиждется высшій разумъ, и пренебрегать этимъ даромъ Духа значить не оцѣнивать и вѣры, которая его приноситъ съ собою, какъ плодъ.

Позвольте же мнѣ показать вамъ на примѣрѣ, взятомъ изъ жизни, какъ совершается отступничество среди насъ, то отступничество совершенно особаго свойства, вина за которое падаетъ на всѣхъ насъ, въ которомъ онъ, отступникъ, является зовущимъ, а мы—не отворяющими, онъ, отступникъ, просящимъ, а мы—не дающими. Я вамъ покажу на примѣрѣ, взятомъ изъ жизни, какимъ образомъ наша восточная туманность, несмотря на всѣ широкіе порывы къ субъективному блаженству,—побѣждается логическою точ-

ностью западнаго объективизма... и вы поймете тотъ со-
блазнъ, жертвами котораго дѣлаются наши интеллигенты,
жертвою котораго нѣкогда чуть не сдѣлался и вашъ покор-
ный слуга, говорящій съ вами о томъ, что самъ испыталъ.
Такъ вотъ слушайте и любуйтесь слѣдующимъ, повторяю—
взятымъ изъ жизни, разговоромъ!

Къ православному человѣку подходитъ іезуитъ. Я не стану
утруждать вниманія вашего приведеніемъ всего того, что
было сказано между ними раньше. Прямо подхожу къ при-
мѣру. Вотъ подлинный разговоръ:

— „Имѣется ли у васъ въ православной Церкви авторитетъ,
хранящій вѣру вашу въ чистотѣ съ апостольскихъ временъ“—
спрашиваетъ іезуитъ.

— „Имѣется“—отвѣчаетъ православный.

— „Кто онъ такой, этотъ вашъ авторитетъ“?

— „Наша православная духовная власть“.

— „Скажите мнѣ: признаете-ли вы, что ваша духовная
власть гарантирована отъ всякаго заблужденія?“

Православный человѣкъ немного смущенъ этимъ вопро-
сомъ, что даетъ іезуиту поводъ къ слѣдующему объясненію:

— „Не смущайтесь моимъ любопытствомъ! Я спрашиваю
потому, что вы мнѣ вѣдь только что говорили, что ваша духов-
ная власть хранить вашу вѣру въ чистотѣ со временъ апо-
столовъ. Такъ какъ ваша духовная власть, т. е. Россійскій Пра-
вительствующій Синодъ, существуетъ не съ апостольскихъ вре-
менъ, а только со временъ Петра Великаго, и такъ какъ мы
нигдѣ не находимъ никакого обѣщанія, даннаго Россійскому
Синоду, въ смыслѣ гарантіи его отъ всякаго заблужденія, то
я и хотѣлъ именно знать, на чемъ вы основываетесь, когда
вы Синоду приписываете какой-нибудь авторитетъ въ во-
просахъ вѣры?“

— „Да я ему такого авторитета не придавалъ“,—говоритъ
православный.

— „Позвольте, вѣдь вы мнѣ только что говорили, что
для васъ авторитетъ въ вопросахъ вѣры, это—ваша подле-
жащая духовная власть. Развѣ Россійскій Синодъ не
является вашею подлежащею духовною властью?“

— „Ну да, является-то является, только я не говорилъ,
чтобы онъ являлся той властью, которая получила бы обѣ-
щаніе, по текстамъ Священнаго Писанія“.

— „Если онъ не получилъ обѣщаній, тогда откуда же вы берете, что онъ не можетъ ошибаться?“

— „Да я не говорилъ, что онъ не можетъ ошибаться“.

— „Такъ что можетъ ошибаться?“

— „Ну да, можетъ, конечно“,—съ недовольствомъ отвѣчаетъ православный, припертый къ стѣнѣ.

— „Съ какой же стати“,—продолжаетъ съ тонкою улыбкой иезуитъ,—„вы тогда признаете его авторитетомъ? Вѣдь авторитетъ предполагаетъ необходимость подчиненія. Но вы вѣдь сознаетесь, что онъ можетъ ошибаться. Съ какой же стати подчиняться вамъ въ вопросахъ абсолютной истины такому авторитету, который можетъ ошибаться?“

Православный чувствуетъ, что что-то не ладно, и говорить:

— „Да нѣтъ. Россійскій Синодъ, это, конечно, наша подлежащая духовная власть, но только русская наша власть, помѣстной русской православной церкви. Поэтому она является только какъ бы подчиненною властью, а не той, которая имѣетъ обѣщанія и которая никогда заблуждаться не можетъ“.

— „Ага! Будьте добры, скажите мнѣ, какая же тогда эта ваша высшая власть, которая по вашему имѣетъ эти обѣщанія и которая именно и является тѣмъ авторитетомъ, который хранить вашу вѣру въ чистотѣ съ апостольскихъ временъ? Можетъ быть, Константинопольскій Патріархъ?“

Православный молчитъ. Но иезуитъ продолжаетъ:

— „Не онъ, значить. Можетъ быть, какой-нибудь другой патріархъ. Или вообще, можетъ быть, каждый православный іерархъ? Конечно, нѣтъ! Вѣдь, бывали и іерархи еретики. Такъ, можетъ быть, какой-нибудь синодъ, если не Россійскій, то какой-нибудь другой православной церкви? Тоже нѣтъ? Ну кто же тогда?“

— „Да никто“...—съ недоумѣніемъ отвѣчаетъ православный.

— „Никто?! Такъ что у васъ каждый православный,—ну, вотъ, вы сами, напримѣръ, гарантированы отъ всякаго заблужденія?“

— „Да нѣтъ-же“.

— „Тоже нѣтъ?—Такъ что у васъ рѣшительно никто, какъ бы высоко онъ ни стоялъ, не гарантированъ отъ заблужденія, и не имѣетъ поэтому никакого разумнаго основанія считать

себя тою авторитетною подлежащею духовною властью, которая имѣла бы право на ваше довѣріе и подчиненіе въ вопросахъ вѣры! Однимъ словомъ, когда вы мнѣ давеча говорили, что у васъ такая подлежащая духовная власть имѣется, вы ошибались. И такъ какъ вы сами говорили, что ваша вѣра остается незапятнанною благодаря именно присутствію этого вашего вѣроисповѣднаго авторитета, то отсюда слѣдуетъ, какъ дважды два четыре, что, вслѣдствіе отсутствія такой необходимой власти, вы обязательно блуждаете во тьмѣ“.

Но православный не сдается еще, и отвѣчаетъ:

— „Нѣтъ. Такая власть обязательно у насъ имѣется. Только ни одна изъ нашихъ помѣстныхъ духовныхъ властей не является этою высшею надъ всѣми властью“.

— „Хорошо“,—продолжаетъ иезуитъ. „Вы исключили непогрѣшимый вѣроисповѣдный авторитетъ всѣхъ вашихъ епархіальныхъ помѣстныхъ духовныхъ начальствъ, архіереевъ, Синодовъ и патріарховъ. Кто же, благоволите все-таки мнѣ отвѣтить, кто-же она тогда, эта ваша высшая власть, хранящая залогъ Христовой вѣры у васъ въ неприкосновенности? Кто онъ тогда, этотъ вашъ непогрѣшимый авторитетъ? Вы вѣдь не посмѣете теперь сказать, что это—ваше священство, то есть тѣ-же архіереи, синоды и патріархи, насчетъ которыхъ вы изволили согласиться, что они могутъ ошибаться. Вѣдь авторитетъ въ вопросахъ абсолютной истины, и—одновременная возможность заблужденія, это, изволители видѣть, только чепуха“.

Православный недоумѣваетъ. Но онъ все-же находится—и говорить:

— „Ну да, я на самомъ дѣлѣ выразился не вполне точно. Знаете, мы вообще съ точностью не очень-то ладимъ. Когда вы меня спросили, кто у насъ хранить залогъ православной вѣры, я немножко скороспѣшно отвѣтилъ вамъ, что подлежащая духовная власть. Но это вѣрно только отчасти. Потому что вѣру нашу хранить, конечно, тоже каждая духовная власть, но не въ отдѣльности. Хранительницею вѣры нашей является, собственно говоря, сама Церковь“.

— „Православная Церковь? Церковь! Кто? Что такое? Церковь? Что такое Церковь?“

Православный человѣкъ вспоминаетъ единственный от-

вѣтъ своего катехизиса на такой неожиданный вопросъ, и говорить:

— „Общество вѣрующихъ, соединенныхъ православною вѣрою, священноначаліемъ и таинствами“.

— „А вы сами“,—продолжаетъ іезуитъ,—„имѣете православную вѣру?“

— „Имѣю, по милости Божіей“.

— „Священноначаліе признаете?“

— „Признаю“.

— „Въ таинствахъ участвуете?“

— „Участвую“.

— „Ошибаться можете?“

— „Могу“.

— „Органомъ церковной непогрѣшимости не являетесь?“

— „Боже, спаси!“

— „И всѣ вы, отъ перваго до послѣдняго, находитесь въ томъ же положеніи?“

— „Всѣ мы находимся въ томъ же положеніи“.

— „Такъ что въ этой вашей Церкви, о которой вы мнѣ говорите, что она является хранительницею вашей вѣры, никакого рѣшительно органа ея непогрѣшимаго авторитета нигдѣ не имѣется?“

Опять недоумѣніе православнаго. Но, спохватившись, онъ возражаетъ:

— „Простите; у насъ такой органъ имѣется. Именуется же онъ „Вселенскимъ Соборомъ“.

— „Вселенскій Соборъ? Гдѣ онъ у васъ находится?“

— „Да нигдѣ... онъ собирался, когда это являлось необходимымъ“.

— „Когда это являлось необходимымъ! Слѣдуетъ думать, что эта необходимость, на которую вы ссылаетесь, была именно необходимость сохраненія вѣры въ чистотѣ?“

— „Конечно“.

— „Такъ что съ девятаго вѣка у васъ въ такой вѣроохранительной дѣятельности, полагаемъ, надобности не было, такъ какъ вѣдь вселенскіе соборы съ тѣхъ поръ у васъ больше не собирались. Неужели у васъ за цѣлыхъ 1000 лѣтъ не возникло никогда и нигдѣ на Востокѣ никакихъ заблужденій?“

Новое недоумѣніе православнаго. Но іезуитъ продолжаетъ спрашивать, и говорить такъ:

— „Хорошо. Положимъ, что у васъ за цѣлыя тысячи лѣтъ, дѣйствительно, не было уже надобности въ проявленіи вашего непогрѣшимаго церковнаго авторитета. Положимъ, съ очевидною натяжкой, что это такъ. Но скажите же мнѣ: Ручаетесь ли вы, что такая необходимость уже во вѣки больше не представится?“

— „Нѣтъ. Откуда же мнѣ знать! Но когда представится необходимость, тогда, полагаю, и соберется Соборъ“.

— „Соборъ! Погрѣшимый или непогрѣшимый?“

— „Ну, да, тотъ, о которомъ идетъ рѣчь“.

— „То есть непогрѣшимый, не такъ ли, потому что мы вѣдь говоримъ о вашей непогрѣшимой власти, на которую вы изволите ссылаться?“

— „Ну, да“.

— „Рѣчь стало быть идетъ о Соборѣ вселенскомъ, а не о помѣстномъ, не такъ ли, потому что вы признаете качество непогрѣшимости только за первымъ?“

— „Конечно такъ“.

— „Хорошо. Стало быть, тогда соберется вселенскій Соборъ. Мы, конечно, видимъ вашу немощь, которая не позволяетъ вамъ добиться не то что вселенскаго, но даже несчастнаго вашего русскаго помѣстнаго Собора. Но предположимъ, хотя бы ради упражненія, что это такъ. Вотъ вы, дѣйствительно, устроили непогрѣшимый, т. е. вселенскій Соборъ. Что же онъ изъ себя представляетъ, этотъ вашъ непогрѣшимый Соборъ, и каковымъ, именно, онъ долженъ явиться по составу своему, чтобы претендовать на непогрѣшимость своихъ вѣро-опредѣленій?“

— „На немъ присутствуютъ вѣрующіе, съ пастырями во главѣ, отъ всѣхъ странъ“,—отвѣчаетъ православный.

— „Да какіе именно?“—спрашиваетъ іезуитъ, „вѣдь полный Соборъ всѣхъ православныхъ людей, живущихъ на земномъ шарѣ, является фактически невозможнымъ; никогда такой Соборъ не собирался, да и не соберется когда бы то ни было. Такъ что вы, пожалуйста, не увертывайтесь, а покажите намъ органъ вашего непогрѣшимаго церковнаго учительства, и скажите мнѣ, каковъ именно точный его составъ“.

— „Ну, на немъ тамъ присутствуютъ вѣрующіе, іерархи тамъ съ духовенствомъ да съ мірянами“,—лепечетъ православный.

— „Такъ что всякое собраніе іерарховъ съ духовенствомъ да съ мірянами есть вселенскій Соборъ?“

— „Да нѣтъ, онъ отличается извѣстными признаками“.

— „Да какими?“

— „Да на немъ присутствуютъ представительства отъ всѣхъ церквей“.

— „Позвольте! ни на одномъ изъ всѣхъ вашихъ семи вселенскихъ Соборовъ не было налицо этого признака. На второмъ вселенскомъ Соборѣ всего присутствовало даже только 150, къ тому-же исключительно восточныхъ, епископовъ. Да кромѣ того, это даже практически совсѣмъ невыполнимо. Какъ же на вселенскомъ Соборѣ будутъ присутствовать всѣ іерархи, все духовенство и всѣ міряне, хотя бы даже только въ лицѣ ихъ законныхъ представителей! Это вѣдь предполагаетъ такое социальное устройство, такую дисциплину, такія безсомнѣнныя формы законнаго представительства во всѣхъ рѣшительно государствахъ, церквахъ и народахъ, каковыхъ не было не только во времена вашихъ семи вселенскихъ Соборовъ, но нѣтъ и сегодня, да врядъ ли и будетъ когда либо. Такъ что все это, якобы непогрѣшимое, учительство ваше является не чѣмъ инымъ, какъ жалкою фикціею, которою вы прикрываете ваше церковное банкротство. Ибо это значить не что иное какъ то, что у васъ нѣтъ уже того необходимаго, безспорнаго, непогрѣшимаго учительства вѣры, на которое Вы давеча ссылались, когда вы мнѣ говорили, что православная Церковь вѣру свою хранитъ въ незапятнанной чистотѣ. Видите ли, какъ вы находитесь въ противорѣчьи съ собою, съ вашею теоріею православной незапятнанности! Видите ли, что съ вами стало съ тѣхъ поръ, какъ вы отвернулись отъ того единаго, яснаго, всегда точнаго и всегда дѣйствительнаго критерія непогрѣшимости, который основывается на апостольскомъ престолѣ Святаго Петра!..—Церковь—не фикція. Она дѣйствуетъ. Ваша же церковь мертвою лежитъ, до такой степени мертвою, что собственное ея непогрѣшимое учительство бездѣйствуетъ уже 1000 лѣтъ, если вообще допустить, что оно могло бы существовать... въ чемъ вы сами сомнѣваетесь, ибо не вѣдаете даже его опредѣлительныхъ признаковъ, съ тѣхъ поръ какъ вы отбросили единый истинный критерій. Этотъ единый истинный критерій имѣется въ утвержденіи Соборныхъ

рѣшеній преемникомъ Петра. Протестанты, заблуждающіеся по другимъ соображеніямъ, отличаются отъ васъ только тѣмъ, что они имѣли смѣлость и послѣдовательность дойти до послѣднихъ выводовъ изъ того-же самаго положенія, которое является основаніемъ и вашего отступничества. Вы же, собственно говоря,—вѣрующіе христіане, а потому и въ страхѣ остановились на полдорогѣ, вращаясь теперь безпомощно въ сферѣ вашей собственной непослѣдовательности и вашихъ церковныхъ фикцій, для того, чтобы не открывать вашихъ глазъ и чтобы не лишиться душевнаго спокойствія при видѣ собственнаго безумія. Потому всякихъ логическихъ изысканій вы и боитесь... ибо имѣете для этого основаніе“...

Великое недоумѣніе православнаго. Но бѣда теперь не въ этомъ, а въ томъ, что изъ этого тупика выхода—никакого—нѣтъ. Іезуитъ предъявляетъ абсолютно точную, логически неопровержимую систему, и сколько бы ни старался нашъ православный христіанинъ, онъ изъ этого своего сомнѣнія никакого логически-правильнаго выхода не найдетъ, потому что выходъ этотъ на *самомъ дѣлѣ* не существуетъ. Въ этомъ состояніи внутренней неудовлетворенности его и оставляетъ іезуитъ,—чтобы приступить къ нему потомъ, когда дѣло уже достаточно подготовлено, и когда то сѣмя, которое онъ бросилъ въ душу своей намѣченной жертвѣ, успѣло пустить уже достаточно глубокіе корни, чтобы лишить его душевнаго спокойствія. Тогда онъ и подходит. Начинаются бесѣды о Петрѣ, объ обѣщаніяхъ Спасителя, о евангельскихъ текстахъ, касающихся святаго Петра. Попутно рѣчь идетъ и о неурядицѣ церковномъ на Руси, которымъ сильно недоволенъ нашъ православный христіанинъ, какъ и многіе другіе русскіе, каковое недовольство приходится для іезуита очень кстати. Блестящая его логическая аргументація окончательно сбиваетъ православнаго собесѣдника. Ему показываютъ картину вышлифованнаго до послѣднихъ мелочей строенія безукоризненной логики; зовущій его призракъ, подъ сладкимъ ликомъ Христа, открываетъ ему свои объятія, и онъ не устоялъ... онъ бросается туда... отступничество совершилось...!

Господа, эта картина нарисована съ натуры.

Прибавлю здѣсь, для свѣдѣнія вашего, что тотъ православный, о которомъ идетъ рѣчь, обратился со своими со-

мнѣніями тогда къ доброму и умному пастырю, который ска- залъ ему слѣдующее: „не лишне бы вамъ прочесть исторію Церкви. Но главное: вотъ вамъ второй томъ сочиненій Алек- сѣя Степановича Хомякова. Вы тамъ найдете одно малень- кое сочиненіе подъ названіемъ „Катехизическое изложеніе ученія о Церкви“ и три полемическихъ статьи. Прочтите внимательно!“

Этимъ—добрый пастырь тогда спасъ поколебленную въ вѣрѣ православную душу.

Но я спрашиваю васъ: много ли найдется такихъ духов- ныхъ врачей, которые сумѣли бы преподавать подходящее лѣ- карство въ равныхъ обстоятельствахъ?! И дальше я спра- шиваю васъ: гдѣ оно официально преподается, это катехи- зическое ученіе о Церкви, которое должно было бы соста- влять азбучную часть Закона Божія, преподающагося на школь- ной скамьѣ? Гдѣ оно имѣется, гдѣ оно преподается, гдѣ оно читается?

Руки опускаются, когда сознаешь, что оно является только достояніемъ нѣкоторыхъ специалистовъ, вмѣсто того, чтобы считаться катехизическою азбукою для всякаго правосла- наго. Въ катехизическомъ, общедоступномъ изложеніи оно имѣется только у Хомякова, хотя, можетъ быть, и не въ за- конченномъ видѣ. Но того уже достаточно, чтобы считать, по нашему скромному мнѣнію, желательнымъ включить Хо- мяковскую статью прямо-таки въ число учебниковъ Закона Божія.

Вотъ что, во всеуслышаніе и по долгу совѣсти, имѣетъ сказать о Хомяковѣ православный христіанинъ, испытавшій это не пустымъ теоретическимъ разглагольствованіемъ, а на дѣлѣ, въ опасности духовной, собственной душой. Великая ему слава, этому *учителю Церкви!*

Я имѣлъ честь сказать вамъ, что изъ того заколдован- наго круга логическихъ противорѣчій, въ которыя былъ за- путанъ,—въ приведенномъ выше примѣрѣ,—православный христіанинъ въ бесѣдѣ съ іезуитомъ, выхода на самомъ дѣлѣ никакого нѣтъ. Система стройная и точная, абсолютно по- слѣдовательная, показанной выше противоправославной ло- гической аргументаціи, не страдаетъ ни малѣйшимъ недо- статкомъ, за который можно было бы ухватиться, чтобы не быть поставленнымъ лицомъ къ лицу съ результатомъ соб-

ственной логической несостоятельности. А если это такъ, такъ въ чемъ же, спрашивается, лежитъ наша ошибка? Да ошибка наша лежала въ самомъ фундаментѣ, на которомъ мы, не сознавая нашихъ собственныхъ устоевъ, сошлись съ іезуитомъ въ самомъ началѣ разговора нашего о Церкви. Разъ этотъ фундаментъ, разъ это логическое основаніе всеї аргументаціи нами принято, — кончено, — поражение наше скрѣплено и подписано безвозвратно. Но развѣ наша православная вѣра выдаетъ себя логическою несостоятельностью? Ничуть не бывало! Это надлежитъ выяснить, надлежитъ покончить съ недоразумѣніями, разсѣять туманы. На одномъ только примѣрѣ мы показали опасность, но думаете ли вы, что этотъ примѣръ не является типичнымъ? Думаете ли вы, что много найдется православныхъ, даже ученыхъ, которые въ проведенной бесѣдѣ съ іезуитомъ не попали бы въ просякъ? Такъ, именно такъ совершается отпаденіе православныхъ душъ отъ родной Церкви въ сторону Рима, на что нерѣдко, особенно за послѣднее время, жалуются наши пастыри. И съ этимъ надо покончить. Надлежитъ снабдить православнаго интеллигента необходимымъ оружіемъ, и дать ему, наконецъ, въ нѣсколькихъ словахъ, одно сжатое, категорическое, громаднаго значенія правило, одно правило, благодаря которому мы больше не станемъ принимать той ложной точки отправления, которая является постоянною причиною нашихъ поражений. Вотъ оно, это правило, вотъ гдѣ лежала ошибка: мы, неправда ли, соглашались съ іезуитомъ насчетъ того, что въ нашей Церкви существуетъ авторитетъ въ вопросахъ вѣры. Нѣтъ! Въ Церкви Христовой *нѣтъ* того кощунственнаго, богохульнаго, противохристіанскаго и безнравственнаго начала, что называется авторитетомъ въ вопросахъ совѣсти и вѣры.

Вся она, Христова Церковь, является непогрѣшимой. Она сама беретъ только то, что согласуется со Христомъ, но союзу взаимной любви всѣхъ христіанъ между собою, и никакого непрошеннаго замѣстительства со связаннымъ съ этимъ авторитетомъ въ вѣрѣ надъ собою она не признаетъ. Она сама, въ цѣльности своей, исполняетъ одно непрерывное учительство, и въ ней никто, рѣшительно никто, не пользуется тѣмъ правомъ насилія, что заключается въ авторитетномъ превосходствѣ надъ сердцами братьевъ. А это

значить, что въ Церкви Христовой всё вмѣстѣ имѣютъ то, чѣмъ въ отдѣльности не обладаетъ никто. Всё вмѣстѣ, по любви во Христѣ, говорящемъ намъ: „По тому узнаютъ всё, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“. На этомъ, а не на авторитетѣ въ вѣрѣ, зиждется Христова Церковь. И ею руководить высшій Разумъ, самъ Духъ Святой, защищающій ее отъ всякой заразы, противъ которой никто изъ насъ въ отдѣльности, внѣ согласія и любви со всѣми братьями, не гарантируется, противъ которой не гарантируется—даже Соборъ. Потому что непогрѣшимость вовсе не принадлежитъ Собору, а всей Церкви Христовой, свидѣтельствующей о себѣ на Соборѣ. Каждый же изъ насъ имѣетъ истину лишь по мѣрѣ своего участія въ Церкви. Это же участіе дается по мѣрѣ уничтоженія собственной себялюбивой разрозненности, раствореніемъ себя въ совершенствѣ Церкви, посредствомъ смиренной любви, ставящей мнѣніе всѣхъ братьевъ и согласіе съ ними—выше собственного мнѣнія, что именно и есть радикальное отрицаніе авторитета. Одно лишь помышленіе о приписаніи себѣ такого авторитета надъ совѣстью и вѣрою всѣхъ,—замѣтьте, мы все время о *вѣрѣ* и о *совѣсти* говоримъ, мы говоримъ все время о *мирѣ безконечномъ*, а не о земномъ, конечномъ *мирѣ*, который одинъ лишь является надлежащею почвою для всякаго авторитета,—одно лишь помышленіе, повторяемъ, о приписаніи себѣ къмъ бы то ни было такого авторитета надъ вѣрою и надъ совѣстью другихъ является, поэтому, радикальнымъ отказомъ отъ Церкви Христовой, отказомъ отъ братьевъ въ пользу себя самого, пропастью отрицанія и себялюбія. Больше того: мысль о благодати собственного своего вѣдѣнія и авторитетная гордость собственного своего знанія въ душѣ кого бы то ни было не только не является для сего несчастнаго гарантіею отъ духовной заразы, но прямо таки представляется какъ условіе, имѣющее заблужденіе своимъ необходимѣйшимъ и существеннѣйшимъ послѣдствіемъ. И поэтому наша православная вѣра не на авторитетѣ зиждется, а на смиреніи и на любви. Безъ смиренной любви нельзя участвовать въ Церкви Соборной, ибо безъ любви нельзя даже вѣровать въ нее... Церковь же Соборная есть объектъ вѣры нашей. Мы говоримъ не такъ: „вѣрую, т. е. вѣрю Церкви, т. е. вѣрую въ то, что Церковь говоритъ“.

Нѣтъ. Мы говоримъ: „вѣрую во едину, святую, соборную и апостольскую Церковь“,... въ нее, въ самое ея собственное существованіе мы вѣруемъ, потому что оно разумомъ нашимъ не постигается, а является откровеніемъ Божественнаго Разума на землѣ. И въ этомъ Разумѣ мы участвуемъ только посредствомъ любви. Поэтому, безъ любви нельзя вѣровать, нельзя познавать никакихъ истинъ, ни, тѣмъ паче, о непознанныхъ истинахъ свидѣтельствовать авторитетно. *Въ вопросахъ совѣсти и вѣры, любовь и авторитетъ суть два противоположныхъ, исключаютъ другъ друга, въ Церкви понятія. Между этими двумя началами невозможны никакіе компромиссы. Они невозможны категорично,—радикально,—абсолютно.*

Я прошу васъ обратить вниманіе на то, что этотъ, разъясняемый теперь, выводъ относится къ тому именно авторитету, что подъ этимъ юридическимъ терминомъ обыкновенно подразумѣвается. Вѣдь въ концѣ концовъ необходимо точно установить, что такое именно за понятіе покрывается этимъ словомъ. Авторитетъ, согласно разсужденіямъ нашимъ съ іезуитомъ въ показанномъ выше примѣрѣ, авторитетъ въ обыкновенномъ своемъ правовомъ значеніи, это такая власть, такая высшая инстанція, скажемъ—судебнаго что ли характера, опредѣленія которой считаются суверенными, не подлежащими дальнѣйшему оспариванію, содержащими въ себѣ, по голому матеріальному факту провозглашенія ихъ именно этимъ учрежденіемъ, всю непреложную и неопровержимую истину, доступную для насъ въ томъ кругѣ понятій, въ которомъ хозяйничаетъ эта авторитетная власть. Если этотъ кругъ понятій, слѣдовательно, составляется изъ вопросовъ абсолютной истины, то, значитъ, абсолютною истинною считаются опредѣленія именно этой власти. Въ этой структурѣ, слѣдовательно, цѣлое зависитъ отъ части; оно, цѣлое, должно подчиняться этой части своей, какія бы ни были его собственныя мнѣнія. Вотъ, такой-то именно власти Христосъ Спаситель никому изъ насъ въ вопросахъ безконечнаго міра не давалъ. Въ вопросахъ безконечнаго міра не цѣлое зависитъ отъ части, а всякая часть отъ цѣлаго. Въ вопросахъ безконечнаго міра исчезаетъ всякій человѣческій авторитетъ, потому что человѣческій авторитетъ, т. е. зависимость цѣлаго отъ части, имѣетъ свою природную

почву лишь въ мірѣ конечномъ, т. е., напримѣръ, во всѣхъ чисто земныхъ коллективныхъ организаціяхъ, напр., въ государствѣ, а въ Церкви Христовой только въ тѣхъ ея функціяхъ, которыя именно и относятся къ ея организаціи на землѣ, т. е., напримѣръ, въ вопросахъ управленія и дисциплины. Въ мірѣ же безконечномъ, къ которому со временъ Спасителя именно и относится совѣсть человѣческая, тамъ царствуетъ только Онъ Одинъ, великій Первосвященникъ по чину Мелхиседека, Который Своєю кровью возвелъ нашу совѣсть и нашу вѣру, освободивъ ихъ навсегда отъ всякихъ человѣческихъ узъ, въ Свое Божественное безконечное Царство. И въ день Своего великаго пришествія, Онъ освободитъ также и плоть сего конечнаго міра, упразднитъ въ немъ всякую власть, всякую силу и всякія начальства переходящія, чтобы быть уже навсегда Главою единою во всемъ. Этотъ великій Первосвященникъ, о Которомъ говоритъ св. Кириллъ Іерусалимскій: „Христосъ Первосвященникъ, имѣющій священство непрерывное и не имѣющій никакого другого преемника Своего первосвященства“,—Онъ Одинъ царствуетъ въ Церкви Своей въ вопросахъ совѣсти и вѣры. Установленіемъ авторитета въ этой области—человѣкъ отказывается отъ Христа, чтобы сѣсть на Его мѣсто. Вотъ этотъ-то именно авторитетъ въ вопросахъ совѣсти и вѣры, онъ радикально противорѣчитъ самому христіанству..

Если же мы подъ словомъ „авторитетъ“ подразумѣваемъ, какъ то иногда бываетъ, извѣстное чисто фактическое, чисто нравственное значеніе, благопріобрѣтенное какимъ-нибудь лицомъ на пути христіанскихъ подвига и мудрости, т. е. посредствомъ именно подчиненія себя Церкви, а не наоборотъ,—повторяемъ, посредствомъ подчиненія себя Святой Церкви, а не посредствомъ власти надъ ней,—если мы такъ опредѣлимъ авторитетъ, то онъ, конечно, имѣется въ Церкви Христовой, источникъ всякой мудрости, больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Является же онъ тогда только вопросомъ факта, а отнюдь не вопросомъ права. И въ этомъ смыслѣ, онъ, конечно, изобилуетъ въ православномъ священствѣ, потому что православное священство, уже по одному только факту своего великаго служенія и по благодати рукоположенія, въ рядахъ своихъ всегда имѣетъ испо-

вѣдниковъ, наставляющихъ насъ примѣромъ и учительствомъ на путь вѣдѣнія. Но это вѣдѣніе никому не дается полностью и никому не дается лично, потому что лично—мы ничего собственнаго, своего, не имѣемъ, кромѣ грѣха. Дается вѣдѣніе только по мѣрѣ участія въ Церкви, потому что вѣдѣніе само принадлежитъ только ей одной, Церкви Христовой, получившей съ самаго начала все въ полности. И если-бы на это нашъ іезуитъ, въ приведенномъ примѣрѣ, отвѣтилъ бы вопросомъ: „Да какимъ же образомъ вы можете разузнать, участвуетъ ли кто въ Церкви и правду ли онъ вамъ говоритъ, когда вы къ нему обращаетесь, чтобы удостовѣриться въ тѣхъ церковныхъ мнѣніяхъ, которыхъ вы ищете?“—то мы ему на это отвѣчаемъ: „Мы это всегда можемъ знать точно и подлинно, но не по мѣрѣ нашего мозгового разума, который воспринималъ бы отъ юридическаго авторитета діалектическаго вѣроопредѣленія, а по мѣрѣ нашей сердечной вѣры и нашей сердечной любви. Молитесь!—и сами имѣйте вѣру и любовь, тогда и ученія неправильнаго не примете отъ самозваннаго учителя! Никакой другой гарантіи не требуется“.

Любовь, когда ищетъ любви, всегда и находитъ. И эта любовь, которую оставилъ намъ Спаситель, она всегда съ нами и остается въ Церкви съ такою неизмѣнною силою, что не допуститъ никогда побѣды заблужденія надъ ней. Церковь Христова является, по сущности своей, союзомъ взаимной любви, и непогрѣшимость, повторяемъ точнѣе, и принадлежитъ одному только союзу взаимной любви. И это прямо значить, что познаніе истины отнимается у всякаго, который себя изъ этого союза исключаетъ, т. е. ставитъ себя выше его, навязывая свое мнѣніе, на основаніи собственнаго своего авторитета, всѣмъ другимъ. Познаніе истины отнимается у всякаго, который совершаетъ такое святотатство. Если его совершаетъ одно, отдѣльное лицо, тогда познаніе истины отнимается у этого лица, и если его совершаетъ собраніе лицъ, тогда познаніе истины отнимается у этого собранія, какимъ бы титуломъ себя собраніе это ни украшало, хотя бы и титуломъ вселенскаго собора. Потому что истинный вселенскій Соборъ, это такое Собраніе, которое свидѣтельствуетъ о вѣрѣ не отъ себя, а отъ Церкви. Ибо въ Церкви Христовой, повторяемъ, никто

не имѣеть никакой благодати собственной вѣры или собственного вѣдѣнія, даннаго ему лично или полностью, а лишь по мѣрѣ участія въ Церкви. И не Соборъ важенъ, а важна соборность, которая проявляется всячески, на Соборѣ ли, или же на Соборѣ. И потому, что Церковь въ опредѣленные историческіе періоды созываетъ Соборы, или потому, что она ихъ не созываетъ, отнюдь нельзя заключить, что въ такомъ-то періодѣ существуетъ непогрѣшимое учительство, а въ такомъ-то періодѣ не существуетъ. Это просто значить, что въ такомъ-то періодѣ обстоятельства требовали, чтобы учительство проявляло себя такимъ образомъ, въ другомъ же періодѣ обстоятельства этого именно способа проявленія не требовали. Отъ этого ни соборность, ни учительство ничуть не измѣняются въ своемъ благодатномъ и непрерывномъ существованіи.

Я просилъ бы васъ обратить вниманіе на то, какъ при такой логической аргументаціи одинъ за другимъ рушатся всѣ выше приведенные доводы нашего іезуита. Я просилъ бы васъ отмѣтить, какъ при таковой аргументаціи онъ изъ нападающаго превращается въ преслѣдуемаго,—и если-бы время позволило, то вы бы и увидѣли, какъ все его великолѣпное и продуманное строеніе такую аргументаціею разносится въ пухъ и прахъ. Стойте твердо только на одномъ:

Въ Христовой Церкви нѣтъ никакого, выше ея самой, стоящаго авторитета въ вопросахъ совѣсти и вѣры.

И храненіе Христовою Церковью залога вѣры, въ неизмѣнной чистотѣ, предполагаетъ именно, какъ *conditio sine qua non*, отсутствіе этого авторитета, а не присутствіе его. Присутствіе же такого авторитета имѣло бы, напротивъ, основаніемъ то предположеніе, что Церковь перестала быть хранительницею вѣры Господней. Видите-ли, какъ перемѣнилось положеніе!

Сказали мы, что не Соборъ важенъ, а важна соборность. Соборность! Что такое соборность?

По православному, католическому, христіанскому ученію, соборность дѣйствуетъ въ той взаимной любви, которая связываетъ все множество отдѣльныхъ членовъ Церкви. Святой Апостоль Павелъ говоритъ, что сердца христіанъ „соединены въ любви для всякаго богатства совершеннаго разумѣнія, для познанія тайны Бога Отца и Христа, въ Ко-

торомъ сокрыты всѣ сокровища премудрости и вѣдѣнія“ (Кол. II, 2—3). Такъ что по ученію святого Апостола, по ученію Церкви, эта взаимная любовь, любовь, а не что-либо иное, является для насъ гарантіею познанія Христовыхъ истинъ. И эта взаимная любовь, познающая тайны Божественной премудрости, выражается въ согласіи христіанъ между собою. Это согласіе является дѣйствіемъ Духа, и Духъ сей ведетъ всю земную часть Христовой Церкви, невѣдомыми для пытливаго разума способами, къ цѣли Своего пути. Этотъ Духъ—Самъ Духъ Святой. И какія бы ни были препятствія, лежащія на этомъ пути, какія бы ни были злыя страсти отдѣльных членовъ Церкви, противящихся Христовой благодати и возстающихъ противъ этого соборнаго единенія, любовь Христова, дѣйствующая въ сердцахъ, иначе—Самъ Духъ Святой, всегда, въ концѣ концовъ, побѣждаетъ эти страсти и не допуститъ никогда, чтобы земное существованіе Церкви было уничтожено нами. Ибо Христосъ пребываетъ съ нами по конецъ дней. Поэтому и всякій раздоръ въ Христовой Церкви неминуемо побѣждается въ концѣ концовъ Самимъ Христомъ въ согласіи и любви, лишь бы несогласные не возставали *принципіально* противъ этого, т. е. противъ Самого Христа и противъ принципіальной возможности согласія въ Немъ, провозглашая царствующимъ надъ всѣми началомъ собственное свое авторитетное превосходство надъ вѣрою и совѣстью братьевъ. Ибо тогда получается одно ужасное преступленіе, преступленіе гордости, именуемое преступленіемъ противъ Духа. Этому преступленію можетъ быть прощеніе только при такихъ трудныхъ условіяхъ внутренней побѣды надъ собой, что человѣческое сердце на этотъ геройскій поступокъ не соглашается. Горькому члену Церкви Христовой, который такими судьбами возсталъ бы противъ Нея! Къ счастью, исторія показываетъ, что преступленіе это было совершено коллективно, ... вслѣдствіе чего вина отдѣльныхъ личностей чаще всего покрывается невѣдѣніемъ...

Итакъ, соборность въ Христовой Церкви проявляется въ согласіи всѣхъ членовъ между собою. Это согласіе не приурочивается къ какой-либо помѣстной церкви, къ какому-нибудь географическому пункту, къ какому-нибудь іерарху или собранію іерарховъ, а связываетъ всѣхъ причастныхъ

къ Церкви членовъ и не нуждается ни въ какихъ юридическихъ регламентаціяхъ, такъ какъ самобытная его сила дѣйствуетъ внѣ достижимыхъ для разума нашего правилъ. Оно просто *существуетъ*, и само опредѣляетъ всѣ остальные явленія церковности, вмѣсто того, чтобы быть опредѣляемымъ ими. Одно изъ этихъ явленій—вселенскіе Соборы.

Что-же представляютъ собою вселенскіе Соборы, и каковы ихъ отличительные признаки?

Не всякое собраніе іерарховъ и вѣрныхъ есть вселенскій Соборъ. Потому что истиннымъ, вселенскимъ, непогрѣшимымъ Соборомъ является только такое собраніе, въ которомъ имѣются налицо два фактора, а именно: одинъ—матеріальный, и другой—духовный. Матеріальный факторъ имѣется въ лицахъ, участвующихъ на Соборѣ, во внѣшнихъ условіяхъ ихъ совмѣстной работы и въ количествѣ и характерѣ рѣшаемыхъ дѣлъ. Духовный же факторъ лежитъ въ тождественности соборныхъ свидѣтельствъ съ вѣрою всего тѣла Церкви. Вотъ, эта-то самая тождественность, именно, и есть не что иное, какъ сама соборность, выражаемая на Соборѣ. И она, только она, опредѣляетъ собою вселенскость и соборную непогрѣшимость, заключающіяся всецѣло въ *ней*. Ибо соборность, вселенскость, непогрѣшимость, все это—равнозначашіе термины, опредѣляющіе собою только различныя виды одного и того-же цѣлаго, имя коего Духъ Святой, руководящій Церковью. И этотъ Духъ является мѣрою для всѣхъ матеріальныхъ факторовъ церковности, а не матеріальные факторы церковности являются мѣрою для Духа. Вотъ оно, коренное отличительное свойство православной, соборной, апостольской Церкви, раздѣляющее ее непроходимую пропастью отъ всѣхъ рѣшительно религіи, толковъ и расколовъ, когда-либо появлявшихся на поверхности времени. Итакъ, Соборъ является непогрѣшимымъ лишь при наличности этого своего духовно-опредѣлительнаго фактора. Потому что вселенская непогрѣшимость принадлежитъ, какъ мы видѣли, не Собору самому по себѣ, а всей Церкви Христовой, свидѣтельствующей о себѣ на Соборѣ.

Теперь: гдѣ лежитъ критерій наличности этого духовно-опредѣлительнаго фактора Соборной непогрѣшимости? Коротче: гдѣ лежитъ, примѣнительно къ какому-нибудь Собору, критерій его соборности? Чтобы правильно отвѣтить на этотъ

вопросъ, нужно строго различать два тезиса. Первый—тезисъ церковный; второй—тезисъ научно-богословскій. Оба тезиса гласятъ не одинаково. Тезисъ церковный, по которому въ Церкви, для Церкви и для всѣхъ живыхъ ея членовъ, Церковью самой опредѣляется, примѣнительно къ Собору, критерій его соборности, гласитъ просто-напросто такъ: *Церковь Христова сама является критеріемъ и мѣриломъ соборности для себя самой.*

Этотъ тезисъ никакими силами человѣческаго ограниченнаго разума не постигается. Онъ лежитъ за предѣлами не только всякой науки, но за предѣлами даже всякаго логическаго мышленія, и осязается одною только благодатною вѣрою. Въ немъ выражается принципъ абсолютной, безграничной свободы, принадлежащей всѣмъ чадамъ Христовой Церкви по мѣрѣ участія въ Ней. И такъ какъ участіе въ Церкви дается смиреннымъ отказомъ отъ себя въ пользу всѣхъ другихъ, то и выведено теперь съ неопровержимою логическою точностью, что въ Христовой Церкви абсолютная личная свобода и абсолютный само-отказъ отъ себя—совпадаютъ. Пожертвовавшій собою самимъ находитъ себя же и личность свою во всеильномъ выраженіи. Сіе лежитъ за предѣлами познанія добра и зла, а это значить, что оно является утраченною въ первомъ паденіи безгрѣшностью. возвращенной человѣчеству Христомъ...

Но, поскольку человѣкъ является разумнымъ обитателемъ міра сего,—безотносительно къ тому, принадлежитъ ли онъ къ Церкви, или нѣтъ,—онъ имѣетъ тоже раціональныя опоры, чтобы формально удостовѣряться въ соборности даваемыхъ Соборами свидѣтельствъ. И вотъ, вырабатывается на этотъ счетъ другой критерій, раціональный или научно-богословскій, являющійся продуктомъ анализирующаго умственнаго наблюденія. Этотъ тезисъ является, въ наукѣ и для науки—отнюдь не для Церкви, масштабомъ провѣрки соборности Соборовъ. По этому тезису соборность cadaго Собора усматривается только изъ послѣдующаго матеріальнаго историческаго явленія: фактическаго принятія его самого и данныхъ имъ свидѣтельствъ всѣмъ тѣломъ Церкви, какъ свидѣтельствъ собственныхъ. Такъ что вопросъ этотъ разрѣшается на основаніи факта, а не на основаніи права. Малѣйшее отступленіе отъ этого начала, малѣйшій компро-

миссъ съ какими-нибудь другими предположеніями, юридическими или какими бы то ни было иными, является горькимъ заблужденіемъ, которое, какъ мы это наглядно показали на примѣрѣ, выдаетъ себя собственною логическою несостоятельностью до тѣхъ самыхъ поръ, пока оно не разрѣшится единымъ правильнымъ, логичнымъ своимъ завершеніемъ: папствомъ.

Итакъ: если все церковное тѣло фактически принимаетъ состоявшийся Соборъ, то, значить, Соборъ и былъ вселенскимъ; если его отбрасываетъ, то, значить, для Церкви онъ былъ ничтоженъ.

Соборъ самъ по себѣ ничего не значить. Важна только соборность, которая зависитъ не отъ какого-нибудь собранія лицъ, ни, тѣмъ паче, отъ одного какого-нибудь лица, а отъ всей Церкви. Все это доказывается исторически. Вселенское значеніе какого-нибудь Собора познавалось рачіонально во все не сейчасъ, а лишь по истеченіи нѣкотораго времени, необходимаго для выясненія этого вопроса.

Конечно, Церковь сама и всѣ ея живые члены, по мѣрѣ своего участія въ Ней, въ рачіональномъ критеріи соборности собственныхъ своихъ Соборовъ, для себя, вовсе не нуждаются. Но по адресу заблужденія и въ смыслѣ рачіональной опоры для нуждающихся въ таковой, Церковь на Соборѣ рачіонально-же обосновываетъ свои свидѣтельства, придерживаясь общедоступнаго критерія. И поэтому она и ссылается на такіе факты, которые воспринимаются разумомъ всѣхъ, даже постороннихъ. И мы считаемъ теперь необходимымъ настоятельно указать на одинъ особенный выводъ, который точно объясняетъ собою отношеніе православія ко всему этому вопросу.

Выводъ—вотъ именно какой: Вѣра Церкви противится такой-то или такой-то ереси не потому, что эта ересь была осуждена такимъ-то или такимъ-то вселенскимъ Соборомъ, а какъ разъ наоборотъ: такой-то вселенскій Соборъ осудилъ такую-то ересь потому, что она противится вѣрѣ Церкви. Этимъ положеніемъ заграждаются пути для всякихъ дальнѣйшихъ полемикъ, потому что всякія дальнѣйшія полемики дѣлаются безпредметными. Наша крѣпость—неприступна.

Итакъ, что касается соборной непогрѣшимости, то она лежитъ, какъ мы видѣли, въ тождественности даваемыхъ Со-

боромъ свидѣтельствъ съ вѣрою всего церковнаго тѣла. Характеръ этой соборной непогрѣшимости, т. е. этого непогрѣшимаго соборнаго согласія, отнюдь не измѣняется отъ разнообразія тѣхъ матеріальныхъ способовъ, которыми оно удостоверяется. Конечно, наиболѣе цѣлесообразный способъ удостовѣренія для постороннихъ имѣется въ томъ матеріальномъ сѣздѣ извѣстнаго числа физическихъ лицъ, который именуется Соборомъ. Но соборное согласіе можетъ также одухотворить какое угодно другое свидѣтельство, которое является поэтому свидѣтельствомъ соборнымъ по факту этой тождественности съ мнѣніемъ всего церковнаго тѣла. Потому что соборность является единымъ неизмѣннымъ духомъ, свидѣтельства же подлежатъ закону матеріальнаго разнообразія внѣшнихъ формъ. Изъ этого слѣдуетъ, что вселенскость, непогрѣшимость, соборность—имѣются вездѣ, въ каждомъ подлинномъ, тождественномъ съ церковною вѣрою свидѣтельствѣ, даваемомъ по участію въ Святой Церкви кѣмъ бы то ни было: Соборомъ, великимъ или малымъ, или отдѣльнымъ лицомъ, хотя бы даже юродивымъ или ребенкомъ. И отсюда вытекаетъ церковный тезисъ полной, абсолютной отрѣшенности соборнаго начала отъ какихъ бы то ни было формально-юридическихъ правилъ его проявленія. Духъ свидѣтельствуется о Себѣ въ Христовой Церкви, когда хочетъ, гдѣ хочетъ и какъ хочетъ, потому что не мы являемся мѣрою для Духа, а Духъ является мѣрою для насъ. Вотъ православный отвѣтъ на вопросъ, кто именно въ каждомъ случаѣ является непогрѣшимымъ органомъ Святаго Духа въ Церкви. Духъ Самъ его въ каждомъ случаѣ Себѣ выбираетъ. Потому что не органъ, по праву своему, преподаетъ себя Духу, а Духъ, по милости Своей, преподаетъ себя органу. Не мы себѣ избираемъ Христа, а Христосъ насъ избираетъ. Сіе есть евангельское, апостольское, католическое, православное, христіанское ученіе о Духѣ. И этимъ разъ навсегда устраняются всѣ приемы юридическаго опредѣленія соборности, достуіной *только вѣрѣ и любви, а не разуму*. Вотъ оно, побѣдоносное православное ученіе вселенской апостольской Церкви.

Вселенская апостольская Церковь, это не церковь *русская* или *римская*, или *греческая*, или какая бы то ни было помѣстная иная. Ибо ею спасается весь родъ человѣчскій, и

святится вся земля, Сѣверъ и Югъ, Востокъ и Западъ. Но мы, русскіе, имѣемъ неизреченное счастье принадлежать къ этому великому Цѣлому, коимъ мы держимся. Этого забывать не слѣдуетъ. Не вселенская Церковь держится нами, а мы, русскіе, съ нашею помѣстной церковью держимся ею. Не о русской, не о римской или какой бы то ни было иной помѣстной церкви сказано, что она пребудетъ до конца времени, а Вселенская Христова Церковь—безсмертна. Вселенская вѣра хороша не потому, что она является вѣрою русскаго народа, а русскій народъ хорошъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ исповѣдывать вселенскую вѣру. Велико его призваніе, велика и отвѣтственность! Если онъ, среди другихъ православныхъ народовъ на землѣ, достигъ исключительнаго по матеріальнымъ условіямъ положенія, то, значить, и много отъ него требуетъ Господь.

Да не забудемъ никогда, что мы, православные христіане, что мы одни среди окружающаго насъ повального заблужденія и помраченія всеобщаго, что мы одни являемся на этой землѣ носителями религіозной мысли всего человѣчества! Да не забудемъ никогда, что мы отвѣтственны передъ Христомъ за врученный намъ залогъ соціальнаго спасенія и будущаго человѣческаго счастья, который нѣкогда умирающій Царьградъ передалъ отъ имени всего христіанства въ наши руки, за ключи того храма, который нѣкогда объединить въ благодатномъ согласіи всѣхъ свободныхъ послѣдователей Христа. И отъ того, что сдѣлаетъ русскій народъ съ этимъ залогомъ, отъ того именно и зависитъ его судьба. Ибо таково его призваніе, для этого онъ былъ избранъ, и если онъ отъ этого своего призванія откажется, то будетъ выброшенъ за бортъ, какъ негодное орудіе Божественнаго Промысла. Силенъ Богъ изъ камней создать дѣтей Аврааму, если Израиль Новаго Завѣта окажется измѣнникомъ.

Твердо будемъ стоять на православіи, которымъ да укрѣпитъ Господь Россію на великое служеніе, на историческій трудъ созданія человѣчества новаго, болѣе добраго, болѣе просвѣщеннаго, болѣе праведнаго, и на всякіе происки враговъ Соборной Церкви Христовой неуклонно будемъ отвѣчать исповѣданіемъ нашей вѣры въ Нее. Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди.

Ю. Колеминъ.